

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Провинциальная
Мадонна

Р О М А Н

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Провинциальная Мадонна : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172225-8

Надя родила в семнадцать лет. Вне брака. Причем всю беременность проходила, не пряча счастливых глаз, сияя радостной улыбкой, и, несмотря на все уговоры, так и не открыла имя отца ребенка. Эта слабая на вид девочка оказалась удивительно сильной. «Упрямая» — говорили о ней одни, «блаженная» — уверяли другие. А Надя просто-напросто умела любить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-172225-8

Часть I

Телевизор в большой комнате, или в зале, как торжественно величала ее мама, был включен на полную мощность, разнося хорошо поставленный голос дикторши из программы «Время» по всем закоулкам дома. Впрочем, как всегда — мама была глуховата на ухо. Что ж, надо терпеть. Не ее, конечно, а громкую передачу, потому что это — святое дело. Каждый вечер, хоть «небо разверзнись», как говорит старшая сестра Наталья, телевизор, как по расписанию, начинает «орать» о происшествиях... И ладно бы стоящие новости были. Так, общая говорильня об одном и том же, переливание из пустого в порожнее. Нет, ничего страшного, конечно, в этом нет, полчаса перетерпеть можно... Тем более уже в привычку вошло — плаваешь и плаваешь в этом потоке надоедливых фраз, не имеющих к ее малолетней девчачьей жизни никакого, собственно, отношения. Какая уж тут биология с географией, когда над

ухом вьется громкое многословие-тарабарщина...

Тяжело вздохнув, Надя подняла голову от учебника, состроила себе смешную радостно-торжественную гримасу, зашевелила в такт дикторскому голосу губами — «...и в эти последние дни уходящего тысяча девятьсот семьдесят восьмого года партия и правительство подводят итоги первых широкомасштабных реформ во всех сферах жизни советского общества, провозглашающих политику гласности и перестройки в духе демократического социализма...».

— Надька, перестань кривляться! Я все вижу! Давай лучше уроки учи! — сердито прикрикнула мама, прогнувшись спиной на стуле и заглядывая в проем смежной с залой комнаты.

— Мам... И впрямь, сделай потише, уж очень орет... — подала голос Наталья, зевнув во весь рот. — Чего там особенного слушать-то, каждый божий день одно и то же...

— Может, тебе и нечего! А я обязана быть в курсе всех событий, у меня должность такая! Понимать должна, не маленькая! Орет ей, видите ли...

Но руку все же к телевизору протянула, сердито защелкала рычажком громкости, снизив звук до минимума. Даже слышно стало, как позвякивает ложка в Натальиной чашке с

чаем, как шелестит по оконному стеклу сухой снежной поземкой декабрьский выюжный ветер.

— Подумаешь, должность — парторг на швейной фабрике... — тихо проворчала Наталья, отхлебывая чай. — Нашим теткам на конвейерной линии только и есть дел, что гласность в духе перестройки обсуждать...

— Ай-ай... Ишь, как заговорила, посмотри-те-ка на нее! — беззлобно усмехнулась мама. — Да если б не я, как бы ты в начальники цеха в свои двадцать семь лет вылезла? Сидишь себе в конторке, в тепле, отчеты строчишь... Люди вон годами такую должность добывают, а тут раз — и в дамки! Ох, и наглющая ты у меня девка, Натаха, как посмотрю...

— При чем тут моя должность и перестройка с гласностью? В одну-то кучу все не вали!

— Ладно, не заводись. А то я не знаю, как ты умеешь, с пол-оборота...

— Так первая начинаешь! Сама бы хоть понимала чего! Выучила нужные слова и толкаешь их на собраниях, как лозунги, — да здравствует гласность и перестройка! Вдумалась бы, что за этим стоит...

— Ну? И что такое страшное там стоит? Смерть с косой?

— Да ну тебя, мам... Вот как с тобой серьезно разговаривать? Ты ж непроходимая, как лесная чащоба!

Надя в своей комнатухе уже со страхом вслушивалась в их диалог, улавливая в сестринском голосе нарастающие истерические нотки. Наташа в спорах бывала гневлива и раздражительна, заводилась буквально с пол-оборота — мама сейчас правильно сказала. А соседка, добрейшая Полина Марковна, однажды по поводу этого вердикт вынесла: мол, замуж Натаху надо спровадить, и все как рукой снимет... Мама же вполне резонно возразила: легко сказать! Можно подумать, по их жалкому поселку при швейной фабрике каждый день кавалерийские полки гарцуют и томящихся свободой девиц высматривают!

— Вот скажи, ты помнишь, как третьего дня к нам лектор из области приезжал?

— Помню, конечно... — задумчиво вздохнула мама, с опаской глядя на старшую дочь. — Умный такой парнишка... Женатый только, двое детей...

— Да при чем тут двое детей! Я ж не об этом... Помнишь, как он на последний автобус опоздал и его к нашим девкам в общежитие на ночь определили?

— И что? — напряженно разогнула спину мама.

— А ничего! То есть в том смысле, каком ты сейчас подумала, — как раз и ничего... Нет, девки-то по-своему расстарались, конечно. И стол накрыли, и подпоили, а толку — ноль...

— Ну и замечательно! Значит, порядочный парень попался!

— Да я не к тому! Вот всегда у тебя голова в одном направлении работает! Везде только аморалку видишь!

— Но ты ж сама начала про этого парня...

— Ладно, неважно. То есть не в этом суть. В общем, подпоили, он за столом язык-то и развязал... Развыступался, только шум стоял! По пьяной лавочке все рассказал, что умные люди с изнанки этой перестройки да гласности углядели!

— И что там такого, интересно?

— А то, чего ни в какой программе «Время» никогда не расскажут. Например, что скоро нам всем неминуемый трындец придет... И партии твоей тоже полная хана будет. Останешься без работы в свои предпенсионные пятьдесят...

— Ой, да типун тебе на язык, Наташка! И как он у тебя на такую антисоветчину поворачивается! Как это — без партии? Думай, что говоришь! Смотри, не брякни где-нибудь, а то неприятностей не оберешься! Еще и при сестре! Надька, не слушай, уроки учи!

— Да я учу, учу, мам...

— Ну, все, понесло... — раздраженно отмахнулась Наталья. — Разве можно с тобой вообще о чем-то нормальном поговорить...

— А не надо со мной ни о чем таком гово-

рить! Вот погоди, я еще разберусь с этим лектором, сообщу куда следует!

— Только попробуй! Вообще из дому уйду!

— И куда это, интересно знать? Кто и где тебя ждет, кроме матери? Да если б кто был, сама бы с удовольствием спровадила...

В комнате застыла предгрозовая тишина. Надя втянула голову в плечи, ожидая Натальиной взрывной отповеди. Может, еще хуже будет. В прошлый раз, например, в пылу подобного разговора сестрица тарелку с супом на пол опрокинула и тут же успокоилась, через десять минут пол подтерла и мирно села с мамой чай пить. А еще Наташа действительно может подскочить и убежать с плачем, сильно хлопнув дверью. И тогда мама будет плакать, ждать ее до ночи, в окна выглядывать...

— Ладно, чего мы... Обе, как ненормальные. На пустом месте ссору затеяли... — заискивающе произнесла мама, вставая из-за стола. — Пойду-ка лучше чайник подогрею. Совсем остыл... Ой, у меня же в сумке коробка конфет, клюква в сахаре, совсем забыла! Нынче по благу в буфете давали! Сейчас принесу...

Младшая выдохнула — на сей раз проне-сло вроде. Молодец мама, вовремя собралась-одумалась. А клюква в сахаре — это хорошо. Исключительно вкусно!

— Надька, иди чай с конфетами пить! —

позвала Наташа из комнаты довольно миролюбиво. — Потом уроки доделаешь!

— Ага, иду! — та с готовностью подскочила, успев сделать закладку в учебнике географии.

— Вот, девчонки, налетайте... — торжественно выложила мама в центр стола белую с красными разводами коробочку. — Сегодня руководящему составу в буфете наборы давали: сервелат финский, болгарские помидоры в собственном соку да вот конфеты... А в нагрузку фасоль в томатном соусе да консервы «Завтрак туриста». Совсем обнаглели — даже нам с нагрузкой давать начали... Колбасу с помидорами на Новый год оставила, а конфеты, так и быть, ешьте!

— Угу... — решительно открыв коробочку, Наталья цапнула белый сахарно-пудренный шарик, понесла в рот и, зажмурившись от кислосладкого вкуса, произнесла шепеляво:

— Мам, я тебя спросить хотела: в нашем цеху ремонт намечается, да?

— Не знаю... С чего ты взяла?

— Да к нам сегодня парень из стройуправления приходил... Обмерял что-то, приглядывался.

— Что за парень?

— Ну, парень как парень... Симпатичный такой. Девки говорят: молодой специалист из области, после техникума в наше стройуправление распределили.

- Надо же... А лет сколько?
- Да вроде двадцать два... Или двадцать три... Если армия да плюс техникум... В общем, молодой совсем.
- Ну, не такой уж молодой. Он откуда? Из каких мест?
- Не знаю. Говорят, вообще детдомовец.
- Что ж... Детдомовец — это хорошо...
- Ничего себе, сказанула! Чего ж хорошего-то, мам?
- Да я не в том смысле... Получается, у него в наших местах никого нет... Слушай, Натах, а может, мы его на Новый год позовем?
- С чего это?
- А что такого? Доброе дело сделаем... Должен же парень где-то отпраздновать! Почему не у нас? Если стесняешься, давай сама приглашу! Я же парторг, обязана о молодых, перспективных кадрах заботиться!
- Ой, все я поняла с твоей заботой! Жениха мне ищешь, да?
- А хоть бы и так, что с того? Хватит в девках-то сидеть! Двадцать семь стукнуло, а она все сидит как квашня!
- Мам, ты не ослышалась случаем? Ему двадцать два года всего!
- И что? Пять лет — невелика разница.
- Ой, да ну тебя, ей-богу... Не смейся...
- Ладно. Смешить не стану. Но парня Новый год отмечать позову, не обессудь. А там

уж как сложится. Какая у него фамилия, говоришь?

— Серый. Сергей Серый.

— Ох, матушки, ну и фамилия...

Надя тихо прыснула в кулачок, лукаво глянула на вмиг смутившуюся Наталью. Всегда краснощекое лицо сестры сделалось совсем жарким, глаза блеснули сердитым огнем, выбившаяся из-под заколки-обруча прядка жестких волос нервно дрогнула над маленьким узким лбом. Вот зря она сердится — лицо совсем некрасивым делается. А когда улыбается, наоборот, вполне даже ничего. Все говорят, в эти моменты на маму в молодости похожа. А та на старых фотографиях такая красавица: взгляд смелый, в глазах веселый задор, толстая коса через плечо! Папа, помнится, ее называл «моя Фурцева»... И никогда ни в чем не перечил. Как-то умел потихоньку проворачивать — спорить не спорил, а делал все по-своему... Мама говорит, что она, Надя, якобы в него характером пошла — тоже молчунья, себе на уме. И пальцем при этом грозит. Хотя чего плохого, скажите, быть себе на уме? Вот Софья Михайловна, их классная руководительница, наоборот, заявляет, что иметь на все собственную точку зрения — это замечательно...

— Надька, все уроки сделала? Сидит тут, взрослые разговоры слушает! Еще и хихикает, главное!

— Да ладно тебе, Наташ... — вступилась мама, — и впрямь неказисто звучит — Сергей, да еще Серый...

— Можно подумать, у нас фамилия княжеская — Истомины! И вообще... При чем тут фамилия? К нам-то с какого боку припеку?

— Конечно, конечно... Ни с какого... — покладисто закивала головой мама, явно думая о чем-то своем. — Значит, на Новый год индюшку в духовке зажарю, пирог с рыбой испеку и с капустой... А для компании можно Полину Марковну позвать, она та еще балаболка, с ее трескотней даже уютнее будет...

— Ты о чем? — сердито осадила ее Наталья. Но чувствовалось, что сестра вовсе не сердится, а будто смущается. Или сердится, но тоже как-то понарошку.

— Как о чем? — мама удивленно подняла плечи. — Решили же паренька-детдомовца в дом на праздник позвать. Надо, чтоб все честь по чести было!

— Так уж и решили?

— Ну да...

— Ой, делай как знаешь! Вечно тебе какая-то блажь в голову придет... Надька, иди уроки учи!

Младшая допила чай, сунула в рот еще одну конфетку и послушно поднялась из-за стола. И впрямь, параграф из учебника географии недочитанным остался. Так, на чем там

глаз остановился... Ага, значит, большая часть Восточно-Европейской равнины относится к той области умеренного пояса, где наблюдается постепенный переход от морского климата к континентальному... Вот бы сейчас попасть в тот самый морской климат, как по мановению волшебной палочки! Раз — и уже в море купаешься... Когда отец жив был, они, помнится, всей семьей на море ездили, в Одессу. Он ее там плавать учил... Жалко его. И откуда только эти проклятые смертельные болезни берутся? Когда папу хоронили, девочка для себя решила — обязательно врачом будет, чтобы уметь их лечить. Чтоб другие дети без отцов не оставались...

Хотя у этого детдомовца, которого мама собралась пригласить на Новый год, наверняка никого не было. Интересно, как это — без родителей? Скорее всего, он совсем грустный, этот Сергей Серый. Серенький, жалкенький... Хотя нет, они ж вроде не такие, детдомовцы, судя по известной группе «Ласковый май»! Наоборот, шустрые, песни под гитары поют! А может, этот парень вообще на Юру Шатунова похож? Тогда зачем ему вечно сердитая Наташка? Юра — он же такой... Глаз оторвать невозможно! Как запоем: «Белые розы, белые розы» — аж мурашки по коже бегут...

А мама-то хитренькая. Сразу понятно, зачем его решила позвать... Надеется старшую дочь замуж выдать! Ха, посмотрим...

— Ох, ну и морозец сегодня! Бегом до дому бежала...

Наталья торопливо расстегнула пуговицы пальто, аккуратно сняла с головы белый платок-паутинку, тут же сунулась к зеркалу, чтобы поправить прическу — немислимо кудрявое сооружение под толстым слоем лака. Надя смотрела во все глаза — сроду таких кудрей на сестринской голове не было... Не прическа, а мамина каракулевая шуба, которую та надевала по праздникам!

— Посмотри! — звонко выкрикнула Наташка в сторону кухни. — Как тебе?

— Ух ты, помереть можно! — выглянула оттуда распаренная от новогодней готовки мама. — Красавица моя писаная! А я костюмчик тебе нагладила, тот, красненький... Ну, который из Чехословакии привезла, когда меня в поездку от райкома партии включили... Иди-ка надень, посмотрим, как будет с причесочкой-то!

— Ага, сейчас!

Сестра торопливо нырнула в комнату и вскоре показалась в дверном проеме в костюмчике: узкая юбка чуть выше колен, пиджачок с воланом-воротником и такими же рукавами. На шее — золотая цепочка с кулоном-сердечком, стыдливо сбегаящим в ложбинку груди. В ушах — такие крупные золотые серьги с

камнями-рубинами, что мочки смешно оттянулись.

— Мам, я твои серьги надела... Ничего?

Та не успела ответить — в дверь с шумом ввалилась Полина Марковна, бухнула на скамейку прикрытую полотенцем эмалированную расписную плошку.

— Девки, а холодец-то у меня подморозился! С вечера оставила в сенцах да и забыла... Не знаю, отойдет ли к столу-то! Ух ты, Наташка, какая ты расфуфыра нынче...

— Так праздник же, тетя Поль! Как встретишь Новый год, так его и проведешь! Может, я весь год собираюсь красивой ходить?

— Ну-ну, куда там с добром... — понимающе хихикнула Полина Марковна, со значением глянув на старшую подругу. — Татьяна, может, помочь чего?

— Ага, давай, а то с салатами не успеваю! — призывно махнула рукой мама. И, обернувшись, кинула на ходу: — Надька, чего стоишь как истуканша? Иди платье новое надевай!

— Ой, ну мам...

— Не ойкай!

— Да ладно, ладно...

Не любила она это дурацкое платье: совсем детское, в красно-белую клеточку, воротник под самое горло, юбка солнце-клеш ниже колен. Даже вытачек для груди нет... Вместо них — кармашки со смешными аппликациями.

Как в детском саду, ей-богу... Даже в зеркало на себя смотреть не хочется. Лучше уж к телевизору присесть, досмотреть «Соломенную шляпку» с красивой актрисой Людмилой Гурченко...

— На вот, бокалы полотенчиком протри! — тут же дала ей работу мама, суетливо пробегая мимо накрытого в зале стола. — Да аккуратно, смотри не разбей! Чешские, всю дорогу над ними тряслась!

Около десяти часов стол был накрыт, исходил вкусными запахами приправленных майонезом салатов, горделиво пыжился припасенными к празднику дефицитами — нежной розово-соленой горбушей, веером тонких колбасных кружков, блюдцем с какими-то черными ягодами с чудным названием «маслины». Она тихонько стянула одну, сунула в рот... И тут же выплюнула. Ничего себе, дефицит! Горечь-соленость одна, проглотить невозможно!

А ровно в десять раздался робкий стук в дверь, и все дружно вздрогнули, будто не ожидали. Мама первая рванула открывать, развывая на ходу фартук. И тут же задребезжала приветливой скороговоркой:

— Заходи, заходи, Сережа, молодец, что пришел! Давай раздевайся, пальто можно вот сюда... И не стесняйся, у нас все по-простому! Наташенька, где ты там? Сережа пришел!

— Привет... — девушка вальяжно выплыла в прихожую, небрежно теребя золотое сердечко на груди. — Ну, шампанское-то с мандаринами зачем принес?.. У нас же все есть.

— Сереж, а это Полина Марковна, соседка наша! Моя мама, покойная, с ней дружила... — продолжала приветливо ворковать хозяйка. — Мы вообще все хорошо общаемся, и Новый год всегда вместе встречаем! А вот еще Наташенькина сестра, младшая моя дочка... Наденька, ты где?

Та робко ступила в прихожую, подняла глаза... Нет, вовсе он не был похож на Юру Шатунова. Обыкновенный, как все: светловолосый, синеглазый, с детскими ямочками на щеках. Вот нервным жестом оправил черный свитерок, торопливо провел пятерней по волосам. И улыбнулся так искренне, будто плеснул благодарностью — я весь ваш, ребята, спасибо, что пригласили...

— Надюшка, поздоровайся, чего стоишь как неродная! — окликнула весело мама.

— Здрассьть... — смущенно пролепетала девочка, глупо и не к месту пожав плечами.

На нее и впрямь накатило неумное стеснение, обволокло с головы до ног, задрожало тоненько в горле. И рука сама по себе потянулась к волосам, устроившимся русой волной на плече, зачем-то перекинула их назад, за спину. Щеки покрылись пунцовым румянцем — как

она его терпеть не могла, этот румянец стеснения! Ну, чего все на нее уставились, что она им, Людмила Гурченко из телевизора?

— Ишь, красота какая растет... — вздохнув, тихо произнесла Полина Марковна.

— И не говори, растет и растет... Уж тринадцатый год пошел... — подхватила Татьяна, улыбаясь, — платье-то весной на вырост покупали, а теперь, гляди-ка, почти мало... Не знаю, что и дальше будет...

— Мам, тетя Поль, ну чего мы все здесь столпились! Давайте за стол садиться! — командовала Наташка, стрельнув по лицам обеспокоенным взглядом.

— Ой, и впрямь! — засуетилась мама, снова ласково зазывая гостя: — Проходи, проходи, Сереженька... Не стесняйся, будь как дома, у нас все просто, без этикетов! Вот сюда, поближе к салату оливье. Любишь его?

— Да я все люблю, Татьяна Ивановна. Что на тарелке есть, то и люблю.

Присаживаясь, Надя глянула на парня исподтишка — надо же, опять улыбается. Так и брызжет из глаз веселой приветливостью, нежно-голубоглазой и беззащитной, причем такой, что хочется прикрыть ее руками, утишить, укоротить...

— Ага! Вот и молодец! Давай-ка тарелку, я тебе всего положу, ешь на здоровье! — продолжала буйно гостеприимствовать мама. — А то,